

Пьеса

Соло на два голоса.

Рашида Стикеева

2015 г.

Действующие лица:

Сезария Эвора – певица, 50 лет.

Жозе да Сильва – продюсер, 30 лет.

Жена Жозе да Сильва - лет.

Музыканты.

Гости кафе.

3 продюсера.

Фотограф.

СЦЕНА 1.

На сцене темно. В прожекторе света стоит Жозе да Сильва.

Жозе Да Сильва: Меня зовут Жозе Да Сильва. Я мог провести всю свою жизнь в неизвестности, исполняя обязанности служащего железнодорожной компании, если бы однажды в баре случайно не услышал, как поёт (*пауза*) Она. Её голос стал настоящим потрясением для меня. Так началась история нашей дружбы и сотрудничества. Я, именно я, открыл миру великую Сезарию Эвору, став её менеджером, продюсером, близким другом и душеприказчиком.

Звучит песня Сезарии Эворы. Музыка постепенно стихает.

Жозе Да Сильва: Это случилось в Лиссабоне жарким летом 1987 года. Мне было 23 года. Сам я родом с Кабо-Верде, но вырос в Сенегале, в Дакаре. Жил в Париже, служил скромным служащим французского железнодорожного концерна, по сути – простой стрелочник. Недавно женился.

На сцену выходит девушка (его жена). Он обнимает ее.

Жозе Да Сильва: И вот решил устроить любимой романтические каникулы в Португалии, в Лиссабоне. Куда пойти в незнакомом городе? Меня спросили:

- Вы из Кабо-Верде? Здесь есть бар – ресторан, хозяин которого – ваш земляк по имени Бана, и вроде как там меню из ваших блюд, это можно сказать, своеобразный клуб ностальгирующих лиссабонских кабовердцев.

На сцене, за спиной актеров расставляются столики, стулья. Рассаживаются гости. Все пью, едят, разговаривают. Звучит музыка.

Жозе Да Сильва: Мы с женой пришли сели, заказали еду, сидим, отдыхаем. Где-то в глубине зала наигрывал что-то негромкое крошечный оркестр - всего два-три пожилых музыканта. Пианист, саксофонист...

На заднем плане появляется оркестрик. Музыканты, не торопясь и негромко настраивают инструменты.

Жозе Да Сильва: Краем глаза замечаю – кто-то выходит на сцену, садится. Оборачиваюсь – полная женщина в возрасте. Закуривает, готовится петь...

На сцену к оркестру выходит женщина в ярком платье и босая. Садится на высокий стул и закуривает.

Вокруг все жуют, галдят. Бренчат приборами всем всё равно.

Жозе Да Сильва: Сколько раз, возвращаясь мыслями к тем мгновениям, спрашивал себя - было ли предчувствие, что вот сейчас она запоёт, и для меня все изменится раз и навсегда? Мой мир перевернется? Нет, ничего такого не было.

Громко звучит музыка и певица начинает петь. Музыка постепенно стихает.

Жозе Да Сильва: Едва она запела, я так и замер. Стало радостно и грустно одновременно. Захотелось плакать. Такую горечь, такое обещание счастья нес ее голос. Он любил, прощал, отпускал грехи, утешал и благословлял. Трудно определить словами те чувства, они словно взорвали меня изнутри. Никогда прежде я не испытывал такого потрясения. Никогда. Это был кабовердеский блюз в стиле марно.

Луч прожектора падает на певицу. Музыка играет фоном

Жозе Да Сильва: Я внимательно пригляделся к певице – полная, с разными глазами. Сколько ей лет? Пятьдесят? Она казалось вдвое старше меня. Пела на креольском диалекте - языке, вообще непонятном для обычной публики. Концерт продолжался недолго. И едва она покинула импровизированную сцену, я устремился за ней. Хотелось познакомиться поговорить.

СЦЕНА 2.

На сцене темно. Свет зажигается и появляются двое: Сезария и Жозе да Сильва.

Жозе Да Сильва: Приняла она меня просто. Обрадовалась, что в чужом месте вдруг услышала родную речь и представилась...

Сезария: Я – Сезария Эвора. Приехала сюда на заработки . Планов на будущее не строила. И уже собиралась обратно. Ни менеджера, ни продюсера, да и вообще никого у меня не было. Я была сама по себе.

Жозе Да Сильва: Не знаю, как это вышло, но у меня вырвалось: «Приезжайте ко мне, в Париж. Я вас познакомлю с музыкантами, помогу найти студию, режиссера...»

Свет падает только на Жозе да Сильва.

Жозе Да Сильва: Тут надо отметить, что музыка была главным моим увлечением. По выходным я музицировал, играл в группе на ударных. Кстати, это занятие для кабовердца совершенно будничное. Мы все без исключения поем и играем. Собираются друзья после работы, кто-то обязательно прихватит гитару, спускаются на улицу, идут куда-то на берег или в гости. Рассаживаются, поют, играют - кто лучше, кто хуже. Значения не имеет. Мы погружены в музыку. Так что даже в эмиграции не изменяем традициям и привычкам. В Париже у меня водились знакомства. Я мог представить Сезарию профессионалам. Услышав все это, она лишь пожала плечами. Вроде как «ну да, почему бы и не приехать?» Мы расстались и я, покидая Лиссабон, честно говоря, не был уверен, что Сезария мне позвонит, тем более приедет. Но она приехала!

Звучит песня в исполнении Сезарии Эвора.

Жозе Да Сильва: Это был декабрь, конец года. Перед приездом, она спросила разрешение приехать не одной, а с другом, стареньким саксофонистом. Средств и лишних денег у меня не было, мы с женой и детьми жили очень скромно, так что я мог лишь предложить Сезарии остановиться у меня дома, в маленькой трехкомнатной квартире, а не в отеле. Жил я тогда в парижском пригороде, в Ганьи. Детей мы забрали к себе в спальню, Сезарию разместили в детской, а саксофонист спал в гостиной. Всю ночь мы провели в беседах.

Каждый день я ходил на работу, а вечерами занимался делами Сезарии.

Бегал, устраивал ей концерты на праздниках, в ресторанах, которые посещали наши земляки, на свадьбах...

Оказалось, что Сезария только для меня была «открытием». Её уже многие знали, слышали когда-то давно в Минделу, в местных барах. Для бывших кабовердцев Эвора была «звуком» из прошлого, воспоминанием о той жизни, которую они оставили когда-то. Принимали ее очень хорошо, и мы даже записали при помощи диаспоры два диска, так для внутреннего пользования. Вращались в замкнутом круге, варились в одном котле почти три года. Все это время я ходил по ведущим звукозаписывающим лейблам Парижа, предлагая продюсерам послушать ее музыку, чтобы, наконец, вывести Эвору на новый уровень, представить широкой публике. Но все эти планы рушились, едва на столе продюсеров оказывались фотографии для обложки диска. Они, увидев лицо Сезарии, начинали махать руками.

На сцену выходит Первый продюсер.

Первый продюсер: Не-е-е т ! Вы что спятили?! Она же старая! (*Уходит*)

Выходит Второй продюсер.

Второй продюсер: Да, вы что! Да никогда в жизни! Она же толстая! (*Уходит*)

На сцену выходит Третий продюсер.

Третий продюсер: Нет, нет и нет! Это вообще никто не купит! Она же хмурая! (*Уходит*)

Жозе Да Сильва: Всех очень напрягала внешность «дебютантки», да так, что собственно до прослушивания песен дело не доходило. «Старая-хмурая-толстая» - я слышал это от каждого, кому приносил записи. В те времена в моде были очаровательные голубоглазые блондинки. Критерии звезды сводились к жестким принципам: молодость, красота, задорность. Ни одним из этих качеств Сезария не обладала. Грузная, не поворотливая, не привлекательная, почти пожилая африканка - она не имела даже крупинки шанса, честно говоря. Впрочем, все эти поиски и бесконечные отказы волновали только меня. Для Сезарии, казалось, было всё равно. Она ничего не ждала, ни на что не надеялась, просто существовала в предлагаемых обстоятельствах. Её даже не задевали слова, которые порой долетали из публики: «Какая же она всё – таки старая ...»

Но я все равно не опускал руки. Меня вела и держала вера в то, что в один прекрасный день я найду продюсера, который рискнет хотя бы ее послушать.

Гаснет свет, играет оркестрик и звучит песня в исполнении Сезарии Эворы.

Жозе Да Сильва: Случай свёл меня с Франсуа Постом, продюсером, с того памятного момента ставшим мне другом, коллегой и по сей день работающим со мной. Он сразу же влюбился в голос Сезарии и быстро пробил её выступление на очень популярном в мире фестивале экзотической музыки во французском городке Ангулем.

Едва Сезария вышла на сцену, босая, тяжелая, с тяжелой походкой, и запела балладу на языке непонятном ни единому слушателю в зале, публика замерла. В эти мгновения я поняла, что наша с ней жизнь уже никогда не будет прежней. Никогда. Людям были не важны слова и ее внешность. Голос Эворы, казалось, переворачивал душу. Потом мы записали новый диск «Босоногая дива». В его раскрутку я вложила все деньги, которые у меня были, все заначки, отложенные на черный день. Запись в студии тогда сделали без технических наворотов, спонтанно, всего за два дня. Я попросил Сезарию: «Просто сиди и пой».

В первый день поступления диска в магазины было продано 50 000 экземпляров, при том, что продавцы не очень поняли, на какую полку его поставить и во избежание недоразумений выложили везде: на полках джаза, региональной музыки мира, французского варьете... С презентацией второго диска она уже была приглашена в легендарную «Олимпию». Люди буквально потеряли от нее голову. Хотя, повторюсь, никто не понимал ее языка и не мог догадаться, о чем она поет.

Гаснет свет и звучит песня в исполнении Сезарии Эвора.

Сезария: Все спрашивали: в чем мой секрет? А я отвечала в моей истории, в моей душе. Я ведь ничего не делала, чтобы нравиться, не умела кокетничать. Одеваться, даже танцевать

на сцене отказывалась. Сколько раз пытались приукрасить мое пение танцами, но я категорически была против.

- Вы хотите, чтобы я пела или коленца выкидывала?

Я ведь до пятидесяти лет жила у себя на острове, выступала в ресторанах, но основном отсиживалась дома, пела у себя на кухне. Меня слышали из открытых окон и соседи случайные прохожие. И если бы я не встретила Жозе в Лиссабоне, я так и провела всю свою жизнь в скудности и безвестности на далёком, оторванном от цивилизации острове в Кабо-Верде.

Гаснет свет и звучит музыка из репертуара Сезарии Эвора.

Сезария: Моя родина, республика Кабо-Верде – островное государство в западной Африке, расположенное в 620 км от побережья. Десяток островов, редкие дожди, высохшие щербистые нагорья – настоящий Марсианский пейзаж.

Много потухших и действующих вулканов, скалистые берега, температура круглый год держится около 25 градусов. Постоянный ветер, никакой растительности. Никакой инфраструктуры. Никакого комфорта. Никаких удобств. неплодородная земля и, как следствие, армия несчастных бедных людей. Мужчины валом покидают острова в поисках работы на других континентах, оставляют женщин с детьми и порой так и не возвращаются обратно. Кабо-Верде – это страна одиноких женщин, ждущих своих любимых на берегу годы, десятки лет... главная жизнь сосредоточена в порту. Множество баров, для мужчин «проездом», ищущих быстрых развлечений, местных деликатесов, фирменных блюд, и естественно, экзотических островных красавиц на одну ночь. В тот порт приходила и я, юная, несмелая. Пела, получала ничтожную плату или вообще ничего. Такова декорация моей родины. Я люблю рассказывать старинную островную легенду о том, как возникли водоемы на островах Зеленого мыса.

Во время своих мирских странствии Христос то там, то сям справлял маленькую нужду, что было совершенно естественно. Но когда он оказался в Кабо-Верде, ему видимо, писать особо не хотелось, и он обронил несколько капель. Вот почему там так мало воды.

Свет зажигается. Голос Сезарии звучит энергично и даже весело.

Сезария: Я родилась в бедной семье. Весь дом держался на матери, служившей поварихой в состоятельной семье и в клубе для избранной островной клиентуры. После ранней смерти отца мать растила одна нас – пятерых детей.

Став позже певицей в баре, я иногда ничего не получала кроме рюмки или кусочек еды. Деньги видела только в руках заезжих иностранцев. Я знала несколько слов на английском, русском и даже японском, и всегда благодарила тех, кто платил, пропуская стаканчик и покидая бар.

Я всегда была одна, хотя любовных историй случалось множество, но они никогда не имели продолжения. В юности, как все девушки, конечно, мечтала выйти замуж, а потом одиночество всё же взяло верх. Я привыкла к нему и ничего не хотела менять. Я часто шутила: «Я – за испанскую свадьбу. Это когда утром свадьба, а вечером – развод».

Жозе Да Сильва: До последнего дня Сезария была равнодушна к мужчинам. Особенно молодым. Был комичный случай. Приехав в Америку, мы получили приглашение сделать

рекламные фотографии к туру Сезарии от знаменитой Энни Лейбовиц. Съемка была организована на побережье. От Сезарии требовалось просто пройти по пляжу туда и обратно. Она не хотела, капризничала, ссылаясь на возраст, на усталость, больные ноги и прочие вполне правдоподобные вещи. Ей вообще было не интересно позировать перед камерами, а принимать участие в организованных репетициях, долгих съемках казалось ничемными и скучным делом. И тут Энни пришла в голову идея: она находит где-то статного черного парня, облачает его в смокинг и предлагает Сезарии пройти с ним под руку. Вы бы видели Сезарию! Глаза загорелись, она легко вскочила на ноги, разулыбалась, с удовольствием схватилась за юнца и ринулась прогуливаться вдоль океана с нескрываемым удовольствием! Съемка удалась. А Сезария долго не хотела уходить с пляжа, несмотря на усталость. Хотела гулять, ходить туда-сюда еще и еще. Мне было смешно и грустно наблюдать за Сезарией. В ее поведении проглядывало щемящее чувство недорадости, недолюбленности, которое ничем невозможно было ни исправить, ни восполнить. И этот случайный паренек, сам того не понимая, подарил ей, наверное, действительно счастливые минуты.

Сезария: Я много страдала. Но только в ранние годы. А потом свыклась со своим положением, решила: такова видно моя судьба - быть все время одной. У меня получалось так жить, но горечь внутри никогда не покидала меня. У моей дочери тоже нет мужа. Такая вот наследственность.

Свое одиночество я обосновала философским образом. Быть одной в Кабо-Верде – это судьба или Кабо-Верде построен женщинами и держится на женщинах. Как я уже говорила, мужчины постоянно уезжают с острова. Главный эмиграционный пик случился после того, как американцы решили что кабовердцы – незаменимые ловцы акул, уникальные, опытные моряки. Их стали нанимать на работу. Назад они не вернулись, основав в США, в Массачусетсе, чуть ли не самое крупное в мире поселение кабовердцев. Уехавшие мужчины присылают оставленным семьям деньги, а их жены и подруги пилят, обтесывают камни, носят тяжести – строят город. Оставшись одни, женщины освоили все профессии, став самодостаточными.

В моем родном городке Минделу таких как я много. Женщин, искавших когда-то любовь, обретавших ее ненадолго, а потом превратившихся в сплошное ожидание. Женщин, умеющих быть одинокими. Умеющих выживать.

Гаснет свет и звучит музыка из репертуара Сезарии Эвора.

Жозе Да Сильва: Она говорила мне, что впервые влюбилась в 14 лет в какого-то коммерсанта из Минделу. Ни матери, как и никому другому, не рассказывала, при каких обстоятельствах и с кем она потеряла девственность.

Ее первой настоящей любовью стал музыкант по имени Эдуардо. Сезарии было 16 лет. Именно он открыл, что у нее есть голос, стал подыгрывать на гитаре, сочинять ей песни, выступал с ней на улицах, и в барах города... А потом уехал искать работу и счастье в Голландию, там женился и остался насовсем. Позже, узнав, что брошенная им любимая родила от кого-то сына, разыскал ее в Минделу и предложил записать ребенка на свое имя. Она отказалась - ведь малыш был не от него. Но в честь возлюбленного дала имя Эдуардо. На память об их любви.

Сезария как-то сказала, что имела столько мужей, что однажды сбилась со счета. Но официально ни с кем не была зарегистрирована.

Отцом ее сына Эдуардо был некто Бенджамин, португалец. Они познакомились на корабле, где тот служил помощником механика, а Сезария выступала с концертом. Потом виделись каждый раз, когда корабль, приходил в порт Минделу. Она забеременела, и Бенджамин исчез. Мгновенно (весело хлопает в ладоши), так что сын никогда не видел своего настоящего отца. Сезария никогда не доверяла и не верила мужчинам, но... она была увлекающейся. В юности легко влюблялась в одного, в другого, одновременно присматривалась к третьему. Своим отношением к женщинам мужчины научили Сезарию не возлагать на чувства особых надежд. Ничего ни от кого не ждать. И она усвоила урок. Она знала – привязываться не стоит, это бесцельно. Отсутствие каких-либо обязательств придавало ее романтическим приключениям вкус игры, развлечения. Она никого не впускала в свое сердце, в душу. Зачем если завтра все кончится? Она справлялась сама и умела ни о чем не сожалеть, говорила:

- Жизнь дарит минуты счастья, жизнь же их и забирает. Надо уметь жить и с ними и без них. Все просто.

В молодости она питала слабость к футболистам. Восхищалась их стройными фигурами, постоянно ходила на матчи - полюбоваться. Кстати, двоих других детей она родила как раз от футболистов.

Гаснет свет. Прожектора, слышны овации. Потом все стихает.

Жозе Да Сильва: Став мировой звездой, Сезария могла жить где угодно, но категорически не хотела. Сколько раз я ей говорил: «Купи квартиру в Париже, здесь я, твоя студия, твои привычки, врачи». – «Нет», отвечала она, - «мой дом Минделу». И всегда возвращалась на свой остров, в город, в котором была подлинной крестной матерью для всех обитателей.

СЦЕНА 3.

На сцене появляется Эвора в фартуке. Она сидит в кресле. Кресло покрыто черным покрывалом. За спиной кто-то заходит, приходит. Приносят коробки корзины. Она считает, что-то пишет.

Жозе Да Сильва: Ситуация очень комичная. Сезария в старомодно фартуке с глубокими широкими карманами впереди. Там хранятся документы. Ключи, справки, деньги, скрученные и спрятанные в пластиковый пакетик, сигареты, спички. В комнате на первом этаже ее дома стоит кресло, покрытое черным покрывалом, где она восседает дни напролёт и принимает важные решения, касающиеся дома, каких-то дел. Параллельно принимает посетителей из нескончаемого потока. Это не только просители милостыни и разного вида помощи, но и торговцы.

Сезария: Это так – все свои покупки я делала сама, не вставая с кресла. Мне доставляли свежую рыбу на выбор, мясо, крупы, овощи и фрукты. У ног выстраивались в ряд корзины с ароматическими травами, батарея вин. Я закупала все тоннами. Порой из жалости к знакомому торговцу, у которого плоховато шли дела, но в основном из практической необходимости. Вы спросите, зачем мне, к примеру, десять килограммов риса? Кто его есть будет? Немного себе, остальное раздам. Ко мне приходят люди стеснённые в средствах, я велела выдать им провизию из своих хранилищ. Приходят с медицинскими справками и рецептами – я выдавала нужную сумму на лекарства. Влюбленные просили денег на свадебное путешествие, малоимущие – оплатить летние

каникулы их детям. Какой-то незнакомый мальчуган мечтал играть в футбольной команде города. Но у него не было денег на фирменную спортивную форму – я купила ему ...
Одному сто эскудо, другому двести. Верю людям на слово, могла дать займы и никогда больше не увидеть...

Жозе Да Сильва: Она руководила всеми домашними делами, приготовлением еды на кухне. Когда я переступил порог, она говорила: - Я скоро подам тебе **потрясающую катчупа!** Сама приготовила.

Интересно, как это? – всегда подтрунивал я, – ты же с кресла не встаешь? – Что значит как? Я же диктую повару рецепт, слежу, чтобы он не косячил.

Да что там говорить, даже банк к ней домой приходил! Да-да! Сесарии нужны были средства или официальная бумажка, она звала представителя из банка, и тот являлся к ней домой со всеми документами, печатями и необходимой ей суммой. Даже государственные чиновники приходили, если возникала необходимость получать ее подпись на деловых бумагах! И поймите, тут дело не в лени. Это такая манера общения, образ жизни.

Сесария: В своем кресле я проводила часы напролет. Сидела, решала вопросы, указывала, повелевала, царствовала. Пока я гастролировала, духом дома, главным служителем и призраком был верный старый Пирок, слуга, близкий поверенный. Я совсем не любила гулять по городу. Прогулки остались в другой жизни. Став мировой звездой я уже не могла просто пройтись по улочкам Минделу, не собрав шумящей толпы. Поэтому я держала личного водителя, который в любое время суток возил меня куда захочу. Мне нравилось навещать любимые бары своей юности. Многие из них давно позакрывали, но какие-то еще работали. Не выходя из машины, только распахнув дверь, я делала заказы, которые официант выносил мне на улице на подносе.

Жозе Да Сильва: Она курила, выпивала... любовалась огнями улиц, наслаждалась звуками музыки, доносившимися с разных сторон, легкой прохладой сумерек. К ней подходили приятели, они разговаривали, пропускали стаканчик. Она могла засидеться у бара до поздней ночи. Сесария любила вспоминать годы юности, наверно чтобы еще и еще раз ощущать сладость своего блистательного реванша. Ведь когда-то она помыслить не могла о заказе блюда. Вообще об ужине в городе. А теперь – весь Минделу принадлежал только ей.

Сесария: Я росла в неблагополучном квартале – Ломбо, населенном беднотой всех сортов, проститутками и мелкими торговцами. Девчонкой выбегала с соседской ребятней на улицу, когда начинался долгожданный ливень. Мы собирали глину, чтобы вылепить себе игрушки – фигурки зверей, кукол. Подставляли дождю кувшины, а затем бережно несли их домой – вода была такая вкусная! Еще любила ловить гусениц, выползавших к влаге. Прячала в спичечные коробочки и радовалась, когда через несколько дней оттуда вылетала красивая бабочка. У меня было бедное, но счастливое детство. Никогда не голодала, благодаря стараниям бабушки державшей огородик. Я часто говорила себе:

«Сегодня мне грустно. Но завтра обязательно станет полегче, ну, или когда-нибудь...»А если не справлялась, то прибегала к матери. И говорила с ней. Она всегда была занята работой. Но никогда не отказывала мне во внимании. Я выплакивала свои душевные переживания, а она успокаивала и утешала: - Все пройдет! Будет лучше!

Старшие сестры и братья все разъехались по всему миру. Я росла почти одна, с бабушкой. Это она отвела меня петь.

Жозе Да Сильва: Никакого образования она, по сути, не получила. И книг не читала, но мудрее и тоньше человека я не встречал, поверьте.

Она попробовала спиртное рано, в юности. Виски, ром, коньяк, грог...

В те времена в Минделу крепкие напитки были неразрывно связаны с образом вечерней жизни – музыкой в ресторанах, ночными концертами. В юности Сезарию даже прозвали «Старый Грог». Она не раз иронизировала, говоря: -Знаешь, пожалуй, это прозвище подходит мне больше остальных, хотя «Босоногая дива» и «Королева морвы» мне тоже нравятся.

Она всегда выпивала перед каждым концертом. И никогда не скрывала этого, но всегда рьяно подчеркивала: - Я выпиваю, но я не алкоголичка.

Сезария знала свои границы, никогда их не переходила. Не было ни запоев, ни серьезного похмелья. Тем не менее, я постоянно раздражал ее нудными проповедями и мольбами бросить курить, завязать с алкоголем. Она меня и слушать не хотела! Конечно, об этой ее привычке судачили журналисты.

В 1994 году, например, случилась неприятная публикация в газете «Либеррасьен» сразу после ее выступления на парижской сцене «Театра де ля Вилль». Заголовок на полполосы что-то вроде «Поедем под вискаррик».

Обычно мизансцена выстраивалась так, чтобы воссоздать для Сезарии привычную для нее обстановку ресторанный концерт, к которым она привыкла с юности: на сцене приглушенный свет, стол, стул, пепельница (она постоянно много курила, отдыхая между песнями), бутылка коньяка, рюмка. Да, факт остается фактом – она прикладывалась и за кулисами. А в тот памятный вечер, в «Театре де ля Вилль», видимо не рассчитала силы. Запуталась ногами в проводах микрофона, ее заметно покачивало... Сезарию увели со сцены. Пианисту пришлось заканчивать концерт одному. Её глубоко оскорбила та статья. Впервые Сезарию открыто назвали пьяницей, пристыдили...

Сезария любила алкоголь, считала его составной частью своей истории, своего душевного комфорта. Без его вкуса ее музыка была бы совершенно другой... как она меня уверяла. До приезда во Францию ее любимым напитком был виски, уже здесь Сезария открыла для себя коньяк и потом в каждом контракте требовала наличие бутылки коньяка в своей гримерке. Но на эту статью она обиделась настолько, что она запретила себе пить. Кстати, Сезария до последнего уверяла меня, что все ее болезни случились с ней только потому, что она завязала с алкоголем.

- Пока я пила, не знала проблем! - возмущалась она, искренне веря в чудодейственные свойства крепких напитков. И с курением боролась. Однажды пообещал «Если бросишь курить, подарю тебе «Мерседес»! Она пообещала. Мы вроде как заключили сделку. Сезария отправилась в студию, а я покрутившись по своим делам, зачем-то зашел к ней в номер и увидел пепельницу с окурками. Не поленился – сфотографировал для протокола, но ей ничего не сказал. При этом она при мне, конечно, не курила...Время шло, Сезария хитро на меня поглядывала, а я прекрасно знал, что тайно от меня она продолжает курить. И однажды все же застукал ее с сигаретой.

Она улыбнулась: «Ну, что ж, плакал мой Мерседес».

Пауза

Жозе Да Сильва: Она оставалась женщиной, несмотря на возраст и внешность. Любила выбирать ткани в парижских бутиках, чтобы дома сшить симпатичные платья, юбки.

Обожала золото. Вся была им увешана. По традициям Кабо-Верде на девушке всегда должны быть побрякушки, ведь в черный день их можно снять и продать.

В юности у нее были плохие зубы, и она стеснялась смеяться, все время прикрывала рот рукой. Этот стыдливый жест остался с ней навсегда, даже когда она сделала себе безукоризненные протезы.

На тумбочке в комнате Сезарии красовались батареи духов, лаков для ногтей, баночки с кремом, щетки и расчески. Воскресенье было для нее днем красоты, днем бигуди. Это было особое занятие в понимании Эворы. Она накручивалась, подвязывалась цветастым креповым платочком, превращалась в классическую африканскую королеву. Снимала бигуди только в одиннадцать вечера и долго потом вертелась перед зеркалом, любуясь локонами. Знаете, у нее никогда не было комплексов по поводу своей внешности. Она говорила мне: - В юности я была красивой девушкой, а сейчас я такая какая есть - старая женщина.

Она не строила иллюзий на свой счет. Просто была собой.

У Сезарии есть дети. Они...

Сезария: Они ничем не занимаются и нигде никогда не учились. И это моя боль и вина перед ними. Я ведь не воспитывала их, не присматривала за ними, не направляла. Они росли, как могли и сами по себе.

Я им ничего не дала, равным счетом!

Пауза

Сезария: А что я могла им дать? Семью, положение, добрый и разумный совет? У меня самой всего этого не было. Я могла и хотела только петь.

(Чуть тише) Тем более на острове положение нахлебников оправдывалось. Впрочем, они могли и выучиться. Но, увы!

СЦЕНА 4.

Жозе Да Сильва: *(немного грустно)* С годами у Сезарии испортился характер. О ее приступах ярости ходили легенды.

Однажды в ресторане она устроила грандиозный скандал. Вообще Сезария не была гурманом, предпочитала простую пищу: рис, хлеб, картошку и масло. Зашли мы поужинать в милое местечко в Париже, она заказала себе мясо и почему-то решила, что кусок плохо прожарен...

Сезария: *(громко и весело):* ... Да, да, именно плохо прожарен! Я очень рассердилась! Нет, лучше сказать – была в гневе! Я схватила и выбросила, точнее, подбросила его вверх. Мясо взлетело и приклеилось к потолку! Официанты, повар, прибежавшие на крик, Жозе-все обомлели и не знали как реагировать. Но прилипшее мясо *(смеется)* на потолке это так смешно *(опять хохочет)*, вскоре весь ресторан лежал от смеха. А я громче всех хохотала. Конечно, потом я объяснила, ...была уставшей...и была не права!

Жозе Да Сильва: *(грустно):* Сезария не боялась умереть. В 2005 году она перенесла тяжелую операцию. До этого она чуть не умерла. У нее случился приступ диабета. И диабет прогрессировал.

Она об этом знала. Она говорила: - если умру, ну и ладно. Значит так предписано свыше. Она теряла друзей, родных, близких, но при этом никогда не плакала. По ней не было заметно, что она сломлена этими смертями.

Сезария воспринимала смерть как составную часть жизни, как неодолимую, неизбежную истину.

Когда в Париже тяжело заболел ее сын, врачи предполагали, что он может умереть в считанные дни, меня попросили вызвать Сезарию с острова.

Но она не приехала. Ответила по телефону: - Я мать, и мне грустно такое слышать. Но что поделаешь, если бог решил забрать его прежде срока?

Сына удалось спасти и Сезария восприняла сей факт так же спокойно, без надрыва.

Звучит тихая музыка из репертуара Сезарии Эвора.

Жозе Да Сильва: Она всегда много путешествовала. Уставала, делала короткие передышки, отдыхала и опять отправлялась в путь. Ни о каком прекращении концертной деятельности слышать не хотела. Врачи требовали от меня вдове сократить ее занятость, затем - полностью завершить карьеру.

- Ах так, ты думаешь, я старуха? - кричала она в ответ.

Пауза

Жозе Да Сильва: Но позже все же согласилась сократить туры. Сегодня, честно признаюсь, я не уверен, что поступил правильно, послушавшись врачей. Пока она была в поездках, в подготовке концертов, а я против ее воли организовывал пристальный медицинский сервис, она держалась в форме. Но едва начинался период отдыха, она погружалась в скуку и разваливалась на глазах. Мои диктат и опеку презрительно отвергала. Поела чипсы, которые ей были категорически запрещены, курила как паровоз.

(Совсем грустно) Все закончилось мгновенно. Мы пришли с ней в студию на репетицию. Сезария с трудом сидела на стуле, ей было нехорошо. Она попыталась закурить, руки не слушались ее, зажигалка упала на пол. Я подошел, поднял и протянул ей. Она посмотрела меня и прошептала: - Хорошо... я поняла. Я уйду...

Итак, в сентябре в 2011 году я дал объявление о завершении карьеры Сезарии Эворы. А в декабре того же года ее не стало. Она умерла у себя на острове в окружении домашних и близких ей людей.

Звучит песня в исполнении Сезарии Эворы.

На сцене двое: Сезария Эвора и Жозе да Сильва

Жозе Да Сильва: Певица с островов Зеленого мыса, исполнительница морны, фаду и модиньи. Пела на кабо-вердианском языке. Акустическое обрамление голосу составляли рояль, гавайская гитара, аккордеон, скрипки и кларнет.

На сцену Эвора неизменно выходила босиком — это символическая дань бедности, в которой жили и продолжают жить её земляки на Островах Зелёного Мыса. Певица ходила босиком и в жизни, на протяжении многих лет. О чем она пела?

Сезария: Язык Сезарии Эворы никому не был понятен. Но и понятен всем... Я пела ...я пела о потерянной любви, вечных скитаниях по миру, редких мгновениях счастья, надежде... и море. Я не любила море. Оно отобрало у меня моих любимых мужчин, уплывших с островов в никуда. Вот стою и смотрю на волны, на то, как они умирают ... и чувствую внутри бессильную, безграничную печаль и одиночество. Вот об этом я пела.

Звучит тихая мелодия из репертуара Сезарии Эворы.

Жозе Да Сильва: Одиночество. Сезарии не с кем было его разделить. Ее дети были равнодушны к ее душевному состоянию, а друзья... Все они были такими же старыми, как и она. Встречаясь, выпивали, играли в карты. Она очень нуждалась в дружеском участии. После смерти матери никому из своего окружения она не могла сказать: - А знаешь мне тошно. Мне плохо. Давай поговорим...

Так что, Сезарии ничего не осталось как признаваться в своих чувствах музыке, песням. То есть, по сути, самой себе.

Она как-то мне сказала, что ей очень нравится песня Пиаф «Я ни о чем сожалею». Соглашалась с ней – что было, то было.

Сезария никогда не оглядывалась назад. И как Пиаф она не хотела ни о чем сожалеть.

Звучит песня в исполнении Сезарии Эворы.

Занавес.